

ПОЛЕМИКА У.В.О. КУАЙНА И Н. ХОМСКОГО ПО ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКА КАК ТРАДИЦИОННЫЙ СПОР МЕЖДУ ЭМПИРИКОМ И РАЦИОНАЛИСТОМ

Засыпкин Сергей Николаевич

Аспирант, Институт философии Российской академии наук
zassipkin@gmail.com

DEBATES BETWEEN W.V.O. QUINE AND N. CHOMSKY ON THE PROBLEM OF LANGUAGE AS A TRADITIONAL DISPUTE BETWEEN AN EMPIRICIST AND A RATIONALIST

S. Zasyupkin

Summary: The purpose of this article is to study the arguments used by Quine and Chomsky in their correspondence polemic regarding the ideas set forth in the work "Word and Object". Quine tried to build a theory of language in a behaviorist manner, using concepts such as stimulus, reaction and reinforcement. He believed that language acquisition by children could be explained as a process of ontogenesis of reference. Chomsky, on the other hand, objected to behaviorism and showed its weak explanatory power in the theory of language, demonstrating the vulnerabilities of empiricism and behaviorism on new material, as well as a deviation from the requirements of strictness of definitions. Briefly, several arguments against Quine's position can be explicated. Firstly, the synonymous use of the concepts «language» and «theory», understood as a network of sentences associated with each other and with external stimuli, forces us to consider the linguistic predisposition itself as a network of sentences; secondly, the postulation of an innate pre-linguistic space of qualities makes the behaviorist scheme "stimulus-reaction-reinforcement" superfluous; thirdly, understanding the process of language acquisition on the principle of "stimulus-response", in turn, entails a number of difficulties in explaining the semantic richness of the language, as well as the impact on the process of assimilation of various physiological states, etc.

Keywords: language acquisition, stimulus meaning, observation sentences, behaviorism, pre-linguistic quality space, innate ideas, speech disposition, stimulus meaning, dogma of empiricism, indeterminacy of translation.

Аннотация: Данная статья в центре своего внимания ставит анализ аргументов и контраргументов, задействованных в заочной полемике Куайна и Хомского, которые на новом материале воспроизводят старый спор между эмпириками и рационалистами. Куайн пытался построить теорию языка на бихевиористский манер, используя такие понятия как стимул, реакция и подкрепление. Он полагал, что освоение языка детьми может быть объяснено как процесс онтогенеза референции. Хомский же возражал против бихевиоризма и показывал его слабую объяснительную силу в теории языка, на новом материале демонстрируя уязвимости эмпиризма и бихевиоризма, а также отступление от требований строгости дефиниций. Кратко можно эксплицировать несколько аргументов против позиции Куайна. Во-первых, синонимичное использование понятий «язык» и «теория», понимаемых в качестве сети предложений, ассоциированных между собой и с внешними стимулами, вынуждает рассматривать саму языковую предрасположенность как сеть предложений; во-вторых, постулирование врожденного долингвистического пространства качеств делает излишней саму бихевиористскую схему «стимул-реакция-подкрепление»; в-третьих, понимание процесса усвоения языка по принципу «стимул-реакция», в свою очередь, влечет ряд трудностей в объяснении семантического богатства языка, а также влияния на процесс усвоения различных физиологических состояний и др.

Ключевые слова: освоение языка, стимульное значение, предложения наблюдения, бихевиоризм, долингвистическое пространство качеств, врожденные идеи, речевая диспозиция, недоопределенность теории, догма эмпирицизма, неопределенность перевода.

В 1960 году был опубликован один из главных трудов Куайна «Слово и объект», где развиваются идеи теории языка, сквозь которую решаются проблемы эпистемологии. Это единственный труд указанного автора, который в систематической манере излагает взгляды американского философа на то, как ребенок усваивает язык вместе с его убеждениями, верованиями и системой знания о мире. Бихевиоризм оказывается базовым инструментом в теоретическом описании функционирования языка, требуя от теории описания в терминах вербальной предрасположенности людей к

речевой реакции на внешние стимулы. Отсюда формулируется задача прояснения предпосылок обыденного разговора об обычных вещах в связи с наблюдаемыми стимулами и социальной обусловленностью ситуации говорения. Обыденный язык понимается как концептуальная схема и являет собой разветвленную вербальную структуру, чье отношение с опытом соотносится как единое целое и включает в себя все науки и вообще все, что можно сказать о мире. В работе также развиваются аргументы против различения аналитических и синтетического суждений, проводится мысленный эксперимент

о невозможности радикального перевода, развернуто излагаются тезисы о неопределенности перевода и недоопределенности научных теорий.

Столь яркая работа не прошла незамеченной. В 1969 году вышло первое издание сборника под редакцией Д. Дэвидсона и Я. Хинтикки «Слова и возражения: размышления о работе Куайна» [19], который стал результатом критического осмысления идей, изложенных Куайном в работе «Слово и объект» и содержал критические статьи относительно различных аспектов философии Куайна. Особая ценность сборника заключается в том, что в нем содержатся ответы и контраргументы Куайна своим оппонентам. В 1975 году вышло переиздание этой книги, куда также вошла библиография, составленная самим Куайном.

В этом сборнике нас больше всего интересует статья Хомского «Эмпирические допущения Куайна», содержащая ряд критических замечаний относительно теории языка и полемика указанных авторов. Год спустя после первого издания сборника в октябре 1970 года Куайн в журнале «Synthese» публикует статью «Методологические размышления о современных лингвистических теориях», в которой показывает различие между ним и Хомским в их исследовательских установках и, как следствие, в их целях при анализе языка, тем самым развивая свои аргументы и вновь обосновывая свою позицию по вопросу построения языковой теории.

Данный специфический интерес к полемике указанных авторов обусловлен несколькими факторами. Во-первых, оба предлагают оригинальные теоретические концепции и подходы к описанию функционирования и освоения языка ребенком [4, 5]. Во-вторых, сама эта проблема приобрела особую значимость в контексте философского изучения языка в XX веке [1, 2]. С одной стороны, это связано с осознанием того, что дети удивительно быстро учатся чрезвычайно сложной системе языка в раннем детстве до того, как разовьются их общие интеллектуальные способности, имея в своем распоряжении очень скудный и фрагментарный лингвистический опыт, а с другой стороны, обуславливается общим признанием концепции значения как употребления, в рамках которой была признана неадекватность традиционного объяснения освоения языка с помощью остенсивных определений [10, 12, 18]. И в-третьих, используемая оппонентами аргументация повторяет полемику давнего спора между эмпириками и рационалистами на новом материале, а именно построение объяснения языковой теории [3].

Переходя непосредственно к разбору «Эмпирических допущений Куайна» следует отметить, что у самого Куайна статья Хомского вызвала двоякие чувства: «Рассуждения Хомского оставили у меня одновременно ощущение удовлетворения и разочарования. Я нашел удовлетвори-

тельным то, что он нигде в своих заявлениях открыто не входит в противоречие с моей позицией. В то же время меня расстроило то, что он выразил несогласие относительно того, что считал моей позицией» [19, с. 302].

Нечеткость терминов

В своем первом критическом аргументе Хомский акцентирует внимание на том, что Куайн, по сути, предлагает двоякое понимание языка. С одной стороны, знание языка может быть представлено в качестве сети лингвистических форм (в первом приближении это предложения), связанных как между собой, так и с внешними стимулами. Данная формулировка представлена Куайном как фактическое утверждение. Отсюда следует, что любая теория и вообще все знание могут быть охарактеризованы как ткань (fabric), состоящая из предложений, различным образом ассоциируемых между собой и с невербальными стимулами посредством механизма условной реакции. Следует сразу обратить внимание на то, что Куайн в теорию включает и повседневное знание, и верования, и убеждения, и ожидания. Хомский указывает на следующую особенность оппонента, который использует термины «язык» и «теория» взаимозаменяемо, что иллюстрируется следующей цитатой «В результате ассоциаций предложений с предложениями появляется разветвленная вербальная структура, которая, прежде всего в качестве единого целого, самыми разнообразными способами соотносится с невербальной стимуляцией. Эти связи присоединяются к отдельным предложениям (для каждого человека), однако одни и те же предложения, в свою очередь, так связаны друг с другом и с другими предложениями, что невербальные соединения сами могут растягиваться или поддаваться давлению. Очевидным образом эта структура взаимосвязанных предложений представляет собой единый связный продукт, включающий в себя все науки и, конечно же, все то, что вообще может быть сказано о мире; поскольку по крайней мере логические истины и, безусловно, многие предложения здравого смысла имеют отношение к любой проблеме и тем самым обеспечивают взаимосвязи» [4, с.15].

С другой стороны, Куайн в работе «Слово и объект» определяет язык в качестве «комплекса данных диспозиций к вербальному поведению, в котором говорящие на одном языке волей-неволей оказываются сходными друг с другом» [4, с.44]. Хомский обращает внимание в этом месте на одно фактическое допущение, которое далеко от очевидности. Понимая язык в качестве сети предложений, мы вынуждены и саму предрасположенность к речевому поведению характеризовать посредством такой сети. Иными словами, понятие предрасположенности (или диспозициональности) не имеет четкой и однозначной дефиниции в куайновской теории.

В ответе Куайн поясняет свою позицию тем, что тер-

мины языка и теории, действительно, употребляются им как взаимозаменяемые и равнозначные только в некоторых контекстах и понимаются как сеть предложений, ассоциированных между собой и внешними стимулами посредством условной реакции. Данная позиция обусловлена отказом от классического разделения предложений на аналитические и синтетические [11], отказом от разделения на значение и коннотацию, иными словами, отказом от утверждения, что каждое предложение теории имеет отдельное значение и эмпирическое содержание [13]. Сам термин «теория», говорит Куайн, чисто технически означает набор предложений в совокупности со всеми логически выводимыми из него предложениями, которые не выходят за рамки его словаря. В работе «Слово и объект», уже не в техническом смысле, под теорией понимается класс всех предложений, ограниченных словарем, в истинность которых верит субъект.

В то же время Куайн настаивает на том, что различие языка и теории небесполезно, так как важно проводить границу между проблемами терминологии и проблемами фактов. Когда происходит обвинение кого-либо в абсурдности убеждений, вполне возможна такая ситуация, что оппоненты по-разному используют слова, то есть интерпретируют термины различными способами. В этом случае проблема заключается не в теории, а в языке, в терминологии. Поэтому в контекстах, где нельзя приравнивать язык и теорию, Куайн предлагает говорить о проблеме значения и верования.

Как кажется, Хомский попал в самое больное место всей теоретической конструкции Куайна, ведь именно четкая и недвусмысленная определенность терминов является лейтмотивом всего творчества последнего [15, 16]. В своем творчестве Куайн критиковал и изгонял термины, не отвечающие принципам ясности, очевидности, полезности и объяснительной силы. Отсюда в его работах такое большое количество технических терминов, больше относящихся к естественным наукам - «предложение наблюдения», «нейронный вход», «стимуляции», «срабатывания сенсорных рецепторов» и другие. Он был убежден, что эти новые термины-аналоги помогут сформулировать научную теорию в строгих методологических рамках, избегая рисков возникновения проблем, порождаемых непрозрачностью и неясностью используемых терминов.

«Нишета стимула» и объяснительные границы бихевиоризма

Второй блок критики Хомский посвящает бихевиористской схеме объяснения процесса освоения языка, которую Куайн воспроизвел вслед за Уотсоном как «стимул – реакция – подкрепление». Будучи непоколебимым в своей теории языка, Куайн выделяет «три возможных механизма, посредством которых возможно заучивание предложений. Во-первых, посредством прямого воз-

действия стимула и получения вербального ответа...; во-вторых, через ассоциацию предложений между собой; в-третьих, по аналогии» [19, с. 56]. Следствием такой интерпретации, подчеркивает Хомский, оказывается тезис о том, что язык представляется в виде конечного набора ассоциированных предложений, поскольку такие механизмы предлагают слишком бедный набор стимулов, способных познакомить индивида с ограниченным спектром предметов окружающего мира. Окружающий мир человека, овладевшего языком по бихевиористской схеме, будет поразительно скуден и мал по объему лексических единиц, уверен Хомский. Он добавляет, что сам Куайн при этом говорит о принципиальной неопределенности в количестве предложений языка, понимая язык как предрасположенность к вербальному поведению [8].

На критику о конечном наборе предложений, которые способен освоить индивид, Куайн, ссылаясь на свои работы, в частности на сборник «С логической точки зрения» и «Слово и объект», стремится показывать некорректность обвинений со стороны Хомского. Причина в том, что он нигде не говорит о конечном числе предложений в языке, так как количество предложений для него не определено. Куайн считает, что основание непонимания лежит в том, как следует трактовать сам термин «предложение». Предложение представляет собой структурированную целостность, наличие которой позволяет осмысленно конструировать новые предложения. Внутренняя структура является основанием для продуцирования типовых предложений, а в ходе модификации этой структуры получают принципиально новые предложения [13].

Проблема врожденности

Развивая критику бихевиористского подхода к объяснению процесса освоения языка, Хомский отмечает определенное противоречие в построении куайновской теории, где присутствует постулируемая им концепция врожденного долингвистического пространства качеств (prelinguistic quality space), содержащего шкалу расстояний (distance measure). Для автора «Картезианской лингвистики» очевидно, что структура данного пространства будет определять содержание изучаемой теории [5]. Пояснить принцип работы долингвистического пространства качеств Хомский пытается на простом примере: если понаблюдать за поведением годовалого ребенка, то можно заметить, что разные по цвету мячи он идентифицирует как, в сущности, один и тот же объект, несмотря на их явное цветовое различие. В то же время одинаковый по цвету мяч и платок будут восприняты им как совершенно разные предметы. На этом основании, по мнению Хомского, Куайн заключает, что разноцветные мячи в этом пространстве, по всей видимости, расположены ближе друг к другу, нежели к схожему по цвету платку. Данное свойство и позволяет идентифицировать объекты. Следствием этих рассуждений Хомский видит не-

обходимость признания долингвистического пространства качеств многомерным. Поясняя свой тезис, Хомский говорит о том, что Куайн задумывал это пространство с ограниченным количеством измерений, описывающих только физические качества объектов (по всей видимости, равное по количеству органов чувств у человека), поэтому врожденной оказывается лишь способность идентификации качеств объектов, но не самих объектов. Отсюда Хомский заключает, что в долингвистическом пространстве качеств не может быть никаких идей платка, или мяча, или каких-либо абстрактных идей.

Хомский также указывает на своеобразное соседство в куайновской теории бихевиористской схемы объяснения освоения языка с врожденной теорией идей в виде, обсуждаемого выше пространством качеств. Пытаясь придать своей схеме эмпирическую обоснованность, Куайн вводит концепт «закрепления/подкрепления» (reinforcement), под которым подразумевается действие социума по поощрению произнесения ребенком социально приемлемых и осмысленных звуков. В этом случае сам концепт закрепления бессмысленен, так как, по сути дела, уверен Хомский, врожденная теория идей не нуждается в каком-либо объяснении с использованием терминов закрепления. В то же время их можно представить на этом месте, дабы соблюсти ритуал, который позволяет видеть куайновскую теорию более научной.

Куайн, в свою очередь, негодует по поводу риторики, которой пользуется Хомский в отношении врожденных идей. Сам термин «постулировать» не является корректным, говорит он. Куайн убежден, что исследователь рано или поздно будет вынужден прийти к осознанию необходимости признания некоторых врожденных свойств. Отсюда врожденные идеи следует мыслить, как «врожденную предрасположенность к наблюдаемому и видимому другим поведению. ... Склонность к языку является врожденной, с другой стороны, освоение языка, в котором эта способность задействуется, включает интерсубъективно наблюдаемые черты человеческого поведения и окружающих его обстоятельств, при этом не существует ни врожденного языка, ни телепатии» [19, с. 306]. Если прибегнуть к метафоре, то можно выразить эту же идею следующим образом: врожденный механизм являет собой сердце и мускулатуру самого поведения.

В своих более поздних работах Куайн детально разбирает связь между необходимостью принять определенную научную теорию и признать, как существующие «вспомогательные инструменты» этой теории для наличия возможности объяснить и понять окружающий мир [16]. В истории философии в вопросе о врожденных идеях принято разводить по разным углам эмпириков и рационалистов, но в случае Куайна и Хомского врожденные структуры признаются, но служат разным целям: для первого — это методологическая необходимость, позволяю-

щая систематизировать восприятие окружающего мира; для второго — это сама языковая способность.

Неопределенность перевода

Возвращаясь к нечеткому определению понятия речевой диспозиции (speech disposition), Хомский указывает на появление в этой связи известной куайновской идеи, а именно неопределенности перевода, суть которой состоит в том факте, что различные руководства к переводу с одного языка на другой могут быть установлены различными путями. Эти руководства совместимы с полнотой речевой диспозиционности, но в то же время могут противоречить друг другу. Это возможно благодаря тому, что Куайн сдвигает проблему с полноты речевой диспозиционности (totality of speech dispositions) к стимульному значению. Хомский говорит о том, что диспозиция индивида к вербальному ответу при определенных стимульных условиях не тоже самое, что и диспозиция индивида быть вынужденным согласиться или не согласиться с предложением при определенных условиях. Иными словами, если два человека оказываются в ситуации взаимодействия с абсолютно неизвестным для них языковым сообществом, они могут, полагаясь на свой опыт общения с этим сообществом, составить два словаря таких, что любой другой индивид, воспользовавшись их словарями, сможет успешно взаимодействовать с этим сообществом. Однако сами полученные словари могут частично или полностью входить в противоречие друг с другом. Это еще раз, убежден Хомский, показывает отсутствие строгой дефиниции понятий «язык» и «речевая диспозиция» у Куайна [9].

Полагаясь на эмпирические допущения, Куайн пытается обосновать некоторые философские следствия, касающиеся языка и знания, отмечает Хомский. Фундаментальным для знания являются аналитические гипотезы, выходящие за пределы свидетельств (evidence), то есть чувственных данных. Эти гипотезы организуют разрозненные чувственные данные в определенные и понятные индивиду вещи и понятия. Они имплицитно содержатся в любой диспозиции к речевому поведению у носителя языка, поэтому при переводе и при изучении другого языка переводчик неосознанно по аналогии приписывает свои языковые гипотезы и способ мышления носителя другого языка. Следовательно, необоснованное приписывание означает возможность других интерпретаций данных. Куайн кладет следующий тезис в основание неопределенности перевода: «Не может быть никаких сомнений в том, что конкурирующие системы аналитических гипотез могут полностью соответствовать всей совокупности речевого поведения и в той же степени могут соответствовать всей совокупности диспозиций речевого поведения и все же предполагать взаимно несовместимые переводы бесчисленных предложений, невосприимчивых к независимому контролю» [4, с.58].

Поясняя предыдущий тезис, следует отметить, что Куайн четко отделяет построение аналитических гипотез на основе данных от постулирования стимульных значений предложений наблюдения. Стимульные значения влекут за собой неопределенность нормального индуктивного типа, так как на основе опыта общения с носителями языка всегда можно исправлять словарь, внося туда изменения. «Нормальная» неопределенность характерна, в том числе, для индуктивных выводов, включенных в перевод предложений, содержащих функциональные связки истинности. Следовательно, для Куайна существует различие между нормальной индукцией и формированием теорий. Хомский, анализируя данный тезис, предполагает, что существует априорная система, которой обладает наш разум и на которой базируется нормальная индукция и подлинные гипотезы. Развивая эту идею, он предполагает, что любые науки в своих теориях базируются на аналитических гипотезах, которые всегда временны и непостоянны, поэтому научные теории изменяются и в науках происходят революции. В то же время идея аналитических гипотез не распространяется Куайном на теорию освоения языка по той возможной причине, полагает Хомский, что об истинности предложений можно говорить сугубо в рамках определенной концептуальной схемы [17]. Следовательно, межъязыковая синонимия возможна исключительно в рамках определенного набора аналитических гипотез. Однако в принципе не существует фиксированного набора гипотез для построения общей теории языка; нам требуются каждый раз новые теории для каждого языка в отдельности (Хомский даже уточняет, что и для каждого говорящего требуется своя гипотеза). Отсюда нет ничего универсального для норм и форм языка. С такой неопределенностью и приходится работать лингвистам, констатирует Хомский. Другими словами, его интересует вопрос: каково сущностное различие между аналитическими гипотезами, используемыми во время перевода и влекущими за собой неопределенность, и аналитическими гипотезами, конституирующими естественнонаучную теорию, которой удастся избежать неопределенности?

Куайн строит свой ответ следующим образом. Отмечая, что он действительно подчеркивает различие между повседневной индуктивной неопределенностью, как в случае с идентификацией стимульного значения, и неопределенностью более глубокого типа, в частности неопределенностью перевода, он видит главное отличие неопределенности перевода от недоопределенности теории в том, что неопределенность перевода находится по ту сторону правильного или неверного перевода. В переводе вообще нельзя сказать об истинном переводе! В то время как любая естественнонаучная теория всегда имеет дело с истиной.

Следующий контраргумент Куайна касается часто необоснованного обвинения, предполагающего, что предложения выражают всегда точно определенные идеи, а не какие-либо другие. Куайн не приемлет широко рас-

пространенного заблуждения относительно того, что чисто интуитивно индивид способен понять смысл услышанных предложений. Исходя из такого заблуждения, многие считают, что есть правильный ответ на вопрос: «Что сказал иностранец?» Для Куайна подобный вопрос всегда имеет несколько вариантов ответа в зависимости от используемого словаря, которые с необходимостью ведут к успешному акту коммуникации.

Таким образом, язык в теории Куайна может быть представлен в виде «врожденного пространства качеств с заложенным в нем ощущением разграничения и дистанции» [19, с. 54], которое коррелирует с очевидными физическими качествами. Определенные типы индуктивных операций (например, обобщение в пространстве качеств) базируются на врожденных свойствах ума и некоторых элементах логики, касающихся истинностных функций. Применяя эти свойства, ребенок (или лингвист, делающий радикальный перевод) может сформировать истинные гипотезы относительно стимульных значений и логических связей истинности. Эти гипотезы могут иметь разное истинностное значение. Более того, освоение языка представляет собой ассоциирование предложений между собой и с определенными стимулами; в то же время этот процесс завершается формированием определенной сети взаимосвязанных предложений или определенной системы возможных реакций. Изучение языка есть изучение предложений. При этом у ребенка вообще нет никакой теории языка, которой бы он руководствовался во время изучения языка; никакая теория языка не предшествует непосредственному опыту освоения языка, подчеркивает Хомский. Этим процесс освоения языка отличается от усвоения физики, где человек уже работает с определенной концептуальной схемой. Хомский отмечает, что Куайн сформулировал вполне классическую эмпиристскую доктрину, допущения которой он подвергает критическому анализу.

Проблема восприятия окружающего мира

Хомский отрицает представление о том, что возможные концепты обыденного языка (ordinary language) можно охарактеризовать в терминах простых физических измерений или что концепты, характеризующиеся такими свойствами, есть потенциальные концепты обыденного языка. Другими словами, как ребенок воспринимает нож? Как объект с определенно заданным набором свойств, или как объект, используемый для определенных целей, или, сочетая данные восприятия, понимает нож как объект, имеющий такие-то свойства и используемый для таких-то целей? Как мы отличим в точности похожий на нож предмет, используемый в другой культуре совершенно по другому предназначению? Иными словами, остается открытым вопрос: каковы врожденные свойства ума (mind), определяющие природу опыта и содержание того, что познается на основании этого опыта?

Само понятие «обучение предложениям» (learning of sentence), продолжает Хомский, у Куайна строго не определено. Если представить ситуацию, что некто описывает сад за своим окном с красивой березой, то это значит, что он выучил предложение «В саду за моим окном есть красивая береза». Такое предположение абсурдно, считает Хомский, так как, обучаясь языку, мы «изучаем не предложения и не усваиваем бихевиористский репертуар через тренировки и закрепления. Скорее, мы как-то развиваем принципы, определяющие форму и значение неопределенного количества предложений» [19, с. 64]. Поэтому неверна трактовка знания языка как ассоциированной сети, сформированной условными реакциями.

Отвечая на критику Хомского относительно понимания языка как комплекса предрасположенностей к вербальному поведению, или, другими словами, как набора возможностей появления высказывания в определенных условиях; Куайн указывает на невозможность проведения различия между высказываниями на различных языках. Избегая данной трудности, Куайн смещает проблемное поле с совокупности речевых предрасположенностей к стимульным значениям, которые работают по принципу согласия/несогласия с утверждением в определенных условиях на основании одного случайно выбранного эксперимента.

Куайн указывает, что исследователь свободен в выборе той диспозиции, которая наиболее приемлема для выявления остенсивного значения, так как пассивное наблюдение лингвиста за вербальным поведением носителя языка не дает возможности установить значения выражений, поэтому он вынужден обращаться к опросу носителя изучаемого им языка. Куайн также добавляет, что стимульное значение предложения-наблюдения всегда имеет объединяющую основу в виде чувственных данных, которая способна идентифицировать стимульное значение по различным параметрам, будь то пространство, или звук, цвет, запах и т.д. Понятая таким образом деятельность лингвиста позволяет удостовериться в том, на что конкретно указывает испытуемый, а это нивелирует возникновение трудностей с определением того, что такое «нож» (объект с такими-то свойствами, или объект используемый для таких-то целей, или, сочетая данные восприятия, объект, имеющий такие-то свойства и используемый для таких-то целей).

Возвращаясь к критическим аргументам Хомского, отметим, что, на его взгляд, неправомерно определение языка как комплекса наличных предрасположенностей к вербальному поведению, благодаря которым говорящие на одном языке с необходимостью придут к сходству друг с другом в речи, в силу невозможности объяснения в терминах бихевиоризма следующих фактов. В частности, Хомский задает провокационный вопрос:

что заставляет язык меняться в зависимости от настроения, индивидуальности, повреждений головного мозга, доверчивости, уровня знания и верований? Как объяснить такие бесчисленные зависимости в рамках «предрасположенности к ответу»? Все эти проблемы нетрудно обнаружить в рассуждениях бихевиористов. Кроме того, бихевиористская схема, по мнению Хомского, не позволяет Куайну признать синонимию. На основе стимульных значений невозможно объяснить синонимичные фразы «Увидимся послезавтра» и «Увидимся через четыре дня после позавчера». Иными словами, значения предложения не характеризуется в терминах условной реакции и обусловленного стимулом использования фразы.

Хомский не согласен также с тезисом Куайна о том, что в физике мы можем работать в рамках какой-то временной теории, а в рамках изучения языка это не представляется возможным, так как мы не можем претендовать на наличие общей теории языка. Хомский считает такое утверждение «догмой эмпиризма», которая ни на чем не основана, добавляя, что куайновское понимание врожденной предрасположенности к языковому поведению на основе эмпирических данных в рамках схемы «стимул – реакция» не имеет смысла, так как бессмысленно говорить о врожденных «идеях», основывая их развитие на эмпирических данных.

Последние критические замечания Куайн оставляет без ответа, по всей видимости в силу того, что все они вытекают из отвержения Хомским тезиса о бихевиористском механизме освоения языка и «нищите стимула», которое уже было им прокомментировано.

Разобранные аргументы по смыслу сильно напоминают спор эмпириков и рационалистов о том, как человек познает мир. Авторы не проходят мимо традиционно обсуждаемых вопросов: что является источником познания; что определяет то, что воспринимает человек: действительно ли Я воспринимает предметы окружающего мира или структуры человеческого сознания («идеи») определяют и формируют окружающий мир; останавливаются на проблеме врожденности [3].

2. Методологические основания построения языковой теории

1970 Куайн публикует статью «Методологические размышления о современных лингвистических теориях» [14], в которой главным образом критикует теорию языка Хомского. Главный аргумент Куайна направлен выявление методологических допущений в языковой теории оппонента. Куайн начинает свое рассуждение с проведения различия между двумя типами построения лингвистической теории, а именно «подгонкой» (fitting) и «руководством» (guiding). «Fitting» предполагает, что постулируемое правило верно в том случае,

если в него укладывается наблюдаемое поведение, т.е. данное правило не противоречит действительному положению дел, в противном случае правило может быть изменено. «Guiding» предполагает, что индивид следует правилам, которые на самом деле управляют его поведением. Очередное противостояние эмпириков и рационалистов, решающих вопрос, с чего начать построение научной теории - с разрозненных фактов и последующих их обобщений, и модификации этих обобщений (позиция Куайна), либо нам сразу дана/врождена определенный теоретический взгляд на мир (позиция Хомского и его теория генеративной грамматики). Здесь Куайн уже наступает на оппонента с традиционных эмпирических позиций.

Он предлагает проанализировать две системы освоения грамматики английского языка, из которых одна является старомодной, а вторая современной. Далее предлагается представить себе датчан, изучающих английский язык, руководствующихся этими двумя системами. Результат, по мнению Куайна, будет следующий: в конце обучения все будут говорить по-английски так, что их будут понимать носители языка англичане, но при этом обученные будут руководствоваться разными схемами. Эти грамматические системы удовлетворяют требованиям носителей языка, что делает их корректными. Парадоксально то что эти схемы не руководят языковым поведением самих англичан. Иными словами, «подгонка» есть стиль выведения правила, исходя из наблюдения за реальным поведением, в то время как «руководство» предполагает, что сами правила руководят поведением, тем самым, Куайн предлагает две перспективы изучения языкового поведения.

Хомский, в противовес указанным возможностям, говорит Куайн, предлагает еще один взгляд на язык: правила управляют поведением не только изучающих некоторый язык как иностранный, но и носителей самого этого языка. «Истинные правила – это правила, которыми имплицитно руководствуются сами носители языка. В этом смысле задача лингвиста и состоит в нахождении именно таких правил» [14, с. 386]. Куайн считает, что лингвисты используют древовидные схемы в качестве инструментов для определения всей совокупности правильных предложений, и обвиняет Хомского в том, что он делает сами древовидные схемы частью объективной лингвистической реальности, которая должна быть исследована.

Тривиальность позиции Хомского, отмечает Куайн, заключается в том, что носителям языка приписывается неосознанное предпочтение одной системы грамматических правил другой, которая также не осознается индивидом; причем обе эти системы оказываются экстенсивно эквивалентными [6, 7]. Предположив наличие двух различных возможных систем, Куайн говорит о

том, что следует решить, какая именно система и почему руководит вербальным поведением индивида. «Имплицитное «руководство» представляет собой довольно спорную идею, которая вряд ли может претендовать на точную методологию. Если имеет смысл говорить, что носитель языка руководим одной системой правил, а не другой экстенсивно эквивалентной системой, то данное соображение должно вести исследователя к идее диспозициональности наблюдаемого поведения носителя языка в наблюдаемых условиях» [14, с. 388].

В то же время сам Куайн не имеет претензий к диспозициональности и к понятию имплицитного и неосознанного подчинению правилу, если эти правила понимаются в качестве «подгонки». Для разъяснения тезиса воспользуемся следующей метафорой: все тела подчиняются (в смысле «подгонки») закону тяготения, так же, как и носители английского языка подчиняются всем экстенсивно эквивалентным системам правил, определяющим всю совокупность корректных предложений английского языка. Камнем преткновения, считает Куайн, становится срединная позиция Хомского, в которой правилам не уделено должного внимания, поэтому в его концепции они остаются четко не определенными.

Куайн предлагает еще раз обратиться к пониманию задач, решаемых грамматистами. Классическим считается деятельность лингвистов «по разграничению, рекурсивно и в формальных терминах, бесконечной совокупности правильно организованных фонем в конкретном языке» [14, с. 389]. Следствием этого является проблема признания того, что существует некоторое правильное языковое поведение. Тогда вполне закономерен вопрос: что является поведенческими данными, свидетельствующими в пользу грамматической корректности? Куайн признает, что таких критериев не существует; есть лишь некоторые достаточные условия, которые позволяют лингвисту сделать вывод о правильности высказываний. Обычно считают правильной (well-formed) ту последовательность фонем, которую продуцируют сами носителями языка, поэтому действия грамматиста можно описать следующим образом: тестируя различные последовательности фонем, он следит за реакцией носителей языка. Если исследователь получает адекватный ответ на высказывание, следовательно, имеет дело с правильным высказыванием данного языка, если же получает замешательство со стороны информанта, то помещает данный паттерн в разряд неправильных. Имея на руках массив подобных данных, грамматист систематизирует их для выведения каких-либо правил.

Позицию Хомского в этом случае, отмечает Куайн, можно охарактеризовать как признание того, что само языковое сообщество владеет некоторым чувством грамматической правильности, которую лингвисты, в свою очередь, могут и должны открыть. Парадоксаль-

ным образом сами носители языка имеют чувство правильности и могут составить список четко сформулированных правил, в соответствии с которыми отбираются корректные высказывания. Если признать эту модель верной, то, считает Куайн, необходимо указать для нее ясный критерий и эффективный метод. Он убежден, что «внимание, уделенное данной концепции, есть проявление готовности признать лингвистические универсалии» [14, с. 390]. Поясняя данный тезис, скажем, что проблема данных в пользу этих универсалий недостаточно оценена. Следует также отметить, что Хомский убежден в правомерности своего тезиса о том, что во всех языках, им исследованных, предложения имеют субъектно-предикатную структуру, так как при переводе с языка на язык удастся ее сохранять. Куайн, однако, сомневается в этом утверждении, считая возможной ситуацию, когда переводчик сам переносит структуры своего языка на структуры языка, который он переводит. Проблема в том, что исследователь не имеет четкого поведенческого критерия для разграничения того, что считать субъектом, а что предикатом. Поэтому Куайн убежден в недостаточности простого соглашения относительно определения субъекта и предиката в виду того, что трудность заключается в существовании экстенсивно эквивалентных грамматик.

Следует пояснить значение эквивалентных грамматик на следующем примере. Представим, что для некоторого существующего языка есть две экстенсивно эквивалентные системы грамматики, два экстенсивно равных рекурсивных определения правильных последовательностей слов. Одна система говорит, что последовательность трех конституэнтов должна выглядеть «АБ» и «В», а другая утверждает иную последовательность «А» и «БВ». Загадочная привычка вынуждает нас признать, что одна из систем верна по обоюдному согласию носителей данного языка. Для того чтобы выяснить, какая именно является правильной, можно спросить у носителей языка. Однако Куайн убежден, что данная попытка решения проблемы тупиковая и ведет к дурной бесконечности вопросов. Обращаясь к семантическим понятиям синонимии, аналитичности, пытаясь разобраться с тем, что же означают высказывания, исследователь погружается в пучину все новых и новых вопросов. Для того чтобы обратиться с вопросом к носителям языка о том, как должно быть правильно, исследователь сначала сам должен понять свой вопрос, а чтобы понять его, он вновь должен обратиться к носителям языка. Это бесконечное погружение и расширение круга вопросов не может быть продуктивным решением поставленной проблемы, так как здесь вообще нет никакого решения.

Куайн заявляет, что «полемика вокруг семантических понятий бурлит уже двадцать лет. Кто-то критикует данную терминологию как недостаточно эмпирически обоснованную. Другие защищают данные понятия без

каких-либо их усовершенствований» [14, с. 393-394]. Выходом же из сложившейся ситуации американскому философу видится «невинное и непротиворечивое понятие стимульного значения» предложения, которое характеризуется Куайном как «класс стимульных ситуаций, при наличии которых данный говорящий согласится с высказыванием, если его спросить об этом. Стимульное значение наилучшим образом представлено в предложении наблюдения ... [которое] определяется как предложение, чье стимульное значение одинаково для всех носителей данного языка» [14, с. 394]. Поэтому отождествление стимульных значений оказывается неприемлемой аппроксимацией для понятия синонимии, к которому взывает семантика.

Далее Куайн пытается показать, как работает его понятие стимульного значения в тех случаях, когда говорят о значении или синонимии. Он предлагает начать с рассмотрения глубинной структуры (deep structure) в ее отношении к логическому анализу. Задаваясь вопросом о том, что происходит при введении логических символов для функций истинности и кванторов, он констатирует, что предложение перефразируется несколько необычным образом для повседневной речи. Эта ситуация схожа с той, когда ребенок решает алгебраическую задачу по вычислению скорости передвижения или, когда пишется компьютерная программа. Куайн делает следующий вывод: «Я нахожу термин 'логический анализ' вводящим в заблуждение в том, что он предполагает обнаружение логической структуры, которая скрытно пронизывает все предложение. Я считаю эту концепцию и неясной, и бесполезной» [14, с. 395]. Логический анализ в то же время делает предложение формализованным и облегчает работу с ним. Схожее положение дел можно обнаружить и в естественных науках, когда в естествознании используется пара понятий вида и рода, или, когда в физике для описания пространства прибегают к идиоме четырехмерности. «Никто ведь не хочет сказать, что бинарные термины Линнея, или четырехмерное пространство Эйнштейна, или бинарный компьютерный код каким-либо образом имплицитны обыденному языку. И у меня нет причин, чтобы схожим образом не рассматривать кванторы и истинностные функции» [14, с. 395], заключает Куайн.

Если продолжать считать, что носители языка обладают детальной, хоть и не артикулируемой грамматической структурой (в частности, глубинной структурой), которая пока еще не открыта, тогда как можно было бы узнать об истинности открытия или даже простого ее предположения. С другой стороны, глубинные структуры можно рассматривать в качестве вспомогательного механизма для проведения демаркационной линии, очерчивающей класс корректных последовательностей фонем. Так понятая глубинная структура определенным образом напоминает логический анализ, когда «оба

представляют собой переформулировку предложений обыденного языка, к которой мы обращаемся с целью получения технического удобства» [14, с. 396].

Куайн замечает, что при этом цели исследователей оказываются разными. «Цель грамматика состоит в том, чтобы облечь предложение в такую форму, чтобы оно могло быть сгенерировано грамматическим деревом наиболее эффективным способом. Цель логика состоит в том, чтобы облечь предложение в такую форму, которая наиболее эффективно обеспечивает логические вычисления или демонстрирует ее следствия и связи, позволяя избегать ошибок и парадоксов» [14, с. 396]. Отсюда Куайн предостерегает от отождествления глубинной структуры и логического анализа, так как они служат разным целям.

Заключение

Диалог Куайна и Хомского уже на новом материале воспроизводит аргументы, используемые в споре между эмпириками и рационалистами. Методологический выбор оптики для построения научной теории между «fitting» и «guiding» сразу заставляет автора определиться с отправной точкой. Куайн последовательно придерживается принципа о том, что все что дано человеку - это сенсорные данные, которые в своей совокупности образуют целостную картину мира. Тезис Хомского о «нищете стимула» подчеркивает ограниченность объяснительной способности теории в части невозможности объяснить появления понятий, обозначающих то, что не дано в чув-

ственных данных. В случае обсуждения теории освоения языка следствием оказывается ограниченность словаря, который в действительности не является ограниченным и имеет бесконечно разнообразный выразительный потенциал. Для преодоления данного затруднения Куайн вводит в теорию тезис о врожденном «долингвистическом пространстве качеств» как механизме разграничения физических свойств объектов в восприятии ребенком. Данное допущение, с точки зрения Хомского, делает излишним другие элементы теории и применение бихевиористского принципа подкрепления.

Анализируя используемую авторами аргументацию, необходимо отметить, что несмотря на стремление Куайна построить эмпирически выверенную теорию языка ему не удается обойти «проблему врожденности», чьи элементы попадают в теорию ввиду методологической необходимости.

Таким образом, Куайн попытался построить теорию языка, основанную на методологических подходах, используемых эмпирическими науками, в частности, i) четкого определения понятий, не допускающего неоднозначного толкования и ii) использование сенсорных данных в качестве основания для построения теории. Хомский свои контраргументы направляет на эти основополагающие постулаты, подчеркивая неопределенность понятий в теоретических рассуждениях самого Куайна (в частности, определение базового понятия «языка») и допущение врожденных идей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глок Г.-И. Аналитическая философия: как она есть / Пер. с англ. В.В. Целищев. М.: Канон-плюс, 2022. – 440 с.
2. Грязнов А.Ф. Аналитическая философия. М.: Высшая школа экономики, 2006. – 375 с.
3. Киссель М.А. Судьба старой дилеммы (рационализм и эмпиризм в буржуазной философии 20 века). М.: Мысль, 1974. – 279 с.
4. Куайн У.О.В. Слово и объект / Пер. с англ. А.З. Черняк, Т.А. Дмитриева. М.: Логос: Праксис, 2000. – 386 с.
5. Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли/ Пер. с англ. Предисл. Б.П. Нарумова. М.: КомКнига, 2005. – 232 с.
6. Cambridge companion to Chomsky. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 332 p.
7. Cambridge companion to Quine. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 309 p.
8. Chomsky N. Quine's Empirical Assumptions // Synthese. 1968. Vol. 19. No. 1/2. – P. 53-68.
9. George A. Whence and Whither the Debate Between Quine and Chomsky? // The Journal of Philosophy. 1986. – Vol. 83. No. 9. – P. 489-499.
10. Guasti M.T. Language acquisition: the growth of grammar. Massachusetts: The MIT Press, 2002. – 490 p.
11. Horwich P. Chomsky versus Quine on the Analytic-Synthetic Distinction // Proceedings of the Aristotelian Society. New Series. 1992. – Vol. 92. – P. 95-108.
12. Horwich P. Scientific Conceptions of Language and Their Philosophical Import // Philosophical Issues. 1993. – Vol. 3. – P. 123-133.
13. Quine W.V.O. From a logical point of view. New York: Harvard University Press, 1961. – 190 p.
14. Quine W.V.O. Methodological reflections on current linguistic theory // Synthese, Vol. 21. 1970. – P. 386-398.
15. Quine W.V.O. The ways of paradox and other essays. New York, 1966. – 269p.
16. Quine W.V.O. Theories and things. Massachusetts USA: Harvard College, 1982. – 223p.
17. Tomalin M. Goodman, Quine, and Chomsky: from a grammatical point of view // Lingua. 2003. – P. 1223-1253.
18. Tomasello M. Constructing a language: a used-based theory of language acquisition. Massachusetts: Harvard University Press, 2005. – 399 p.
19. Words and objections. Essays on the work of W.V. Quine. Dordrecht: D. Riedel Publishing Company, 1969. – 378 p.

© Засыпкин Сергей Николаевич (zassipkin@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»